

УДК 332.02
ББК 65.046.1

В. А. ОСТАНИН

Эффективность свободных экономических зон: на примере конкурентных преимуществ модели свободного порта Владивосток

В статье рассматривается проблема эффективности свободных экономических зон. Делается вывод, что налоговые льготы и таможенные преференции без инвестиций органов публичной власти в развитие социальной инфраструктуры, без предоставления доступа к инфраструктурным ресурсам не делают особые экономические зоны конкурентоспособными. Решающая роль в создании комфортной среды для бизнеса отводится уже имеющимся на территории транспортной, социальной, предпринимательской, финансовой инфраструктурам.

Ключевые слова: свободные экономические зоны, экономическая эффективность особых экономических зон, социальная эффективность свободных экономических зон, аллокативная эффективность на территориях особых экономических зон, методические подходы к оценке эффективности особых экономических зон.

V. A. Ostanin

Effectiveness of Free Economic Zones: by the Example of Competitive Advantages of Model of Vladivostok Free Port

The paper highlights the problem of free economic zones effectiveness. The author comes to a conclusion that the very tax exemptions, customs preferences without investments of public authority bodies into the social infrastructure development and access to infrastructure resources don't make special economic zones competitive. It is the current transport, social, entrepreneurial and financial infrastructures of these territories that play a crucial role in creating comfortable environment for business.

Keywords: free economic zones, economic effectiveness of special economic zones, social effectiveness of free economic zones, allocative efficiency on the territories of special economic zones, methodical approaches to the assessment of special economic zones effectiveness.

ОСТАНИН Владимир Анатольевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории. Владивостокский филиал Российской таможенной академии. 690034, г. Владивосток, ул. Стрелковая, 16 в. ostanin1945@gmail.com.

© Останин В. А., 2016

Модель развития территории в форме свободного порта Владивосток следует рассматривать как одну из разновидностей более общей модели особых экономических зон. Из самого понятия «особая экономическая зона» (ОЭЗ) следует, что отношения, которые складываются как внутри нее, так и отношения резидентов ОЭЗ с нерезидентами, государственными и муниципальными институтами власти и управления приобретают некоторую специфику. Эти отношения – миграционные, таможенные, налоговые, хозяйственные и социальные, – регулируются Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, а также таможенными процедурами свободной экономической зоны и иными актами государственных органов. Уже тот факт, что ОЭЗ в форме свободного порта есть выделенная, обособленная от остального социально-экономического пространства территория, указывает на то, что на этой территории действует специфический режим предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Таможенный режим и, соответственно, применяемая таможенная процедура свободной таможенной зоны, с одной стороны, ограничивает свободу и социально-экономическое пространство, типичное для остальной части территории, а с другой стороны, предоставляет резидентам свободного порта некоторые специфические преимущества.

В соответствии со ст. 3 федерального закона от 30.11.2011 № ФЗ-365 ОЭЗ создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики страны, развития туризма, санаторно-курортного кластера, портовой, транспортной инфраструктуры, коммерциализации результатов деятельности, производства новых видов продукции. В то же время из положений закона не следует, что цели резидентов ОЭЗ сводятся непосредственно к развитию территорий и созданию облагороженной социальной среды, однако законом предусматривается наряду с созданием объектов инженерной, транспортной инновационной и иных инфраструктур создание социальной инфраструктуры ОЭЗ из средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов в соответствии с бюджетным законодательством.

Резидентами ОЭЗ признаются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, цель которых сводится к получению прибыли, более выгодному вложению капитала, а не достижению социального эффекта. Следует учитывать также, что иностранные резиденты могут являться проводниками стратегических целей, которых они желали бы достигнуть как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе в соответствии со стратегией развития своего государства и его местом в будущей глобальной политической, финансовой, экономической инфраструктуре. Для них достаточно быть ориентированными и мотивированными

на получение льгот по налогам, доступа к инфраструктурным, коммунальным и иным ресурсам, благоприятного режима хозяйствования, большей свободы в сфере хозяйственных, таможенных, миграционных и иных операций.

Надежды руководителей и организаторов ОЭЗ на то, что резиденты будут вкладывать ресурсы в развитие социальной инфраструктуры, следует признать утопичными. Обеспечивать процесс формирования социальной инфраструктуры коммерческие предприятия могут только тогда, когда их инвестиционный проект позволит коммерциализировать создаваемые объекты. Более того, отсутствие социальной инфраструктуры на территориях ОЭЗ может стать причиной того, что проект создания ОЭЗ потеряет конкурентоспособность. Этот факт необходимо обязательно учитывать при принятии стратегического решения об открытии ОЭЗ. В настоящее время мировой рынок дает основания для суждения о том, что необоснованные ожидания инвесторов, будущих резидентов ОЭЗ и органов власти привели к тому, что многие ОЭЗ оказались неконкурентоспособными. История дореволюционной России свидетельствует, что режим особой экономической зоны в форме свободного порта Владивосток реализовывался. Этот режим вводился и прекращался по два раза – открытие позволяло решать конкретные народно-хозяйственные задачи, а прекращалось действие по причине нарастания народно-хозяйственных противоречий и снятия проблем в развитии территории.

Предоставление только налоговых льгот, таможенных преференций без возможности доступа к инфраструктурным ресурсам не делает особые экономические зоны конкурентоспособными. Дополнительными факторами, которые необходимо принимать во внимание, должны стать цены ресурсов (электроэнергии, воды, водоотведения), а также выстраивание всей цепи – масштаб производства, стоимость рабочей силы, ее квалификация, создание комфортной среды для бизнеса. В создании комфортной среды для бизнеса решающая роль отводится имеющейся уже на территории транспортной, социальной, предпринимательской, финансовой инфраструктурам. Резиденты, которые пришли на территорию ОЭЗ, должны получить их в качестве результатов инвестирования из федерального, региональных бюджетов, либо обеспечить доступ к этим социальным и экономическим благам на территориях.

Таким образом, складывается компромиссно-конфликтная ситуация. Резиденты, преследующие цель получения прибыли, не ориентированы на создание социальной инфраструктуры. Но т. к. важнейшим ресурсом всегда является квалифицированная рабочая сила, то решать проблему развития социальной инфраструктуры необходимо органам власти путем инвестирования. Попытки переложить эту обязанность на коммерческих

резидентов не приводят к положительным результатам. Именно в этом следует видеть основную причину того, что многие созданные ОЭЗ или территории опережающего экономического развития показали свою неэффективность и были ликвидированы.

Социальное развитие территории будет получать импульсы от успешно функционирующих коммерческих резидентов ОЭЗ. Они будут продуцировать импульсы развития окружения, формируя спрос на товары, услуги в области образования, охраны труда, здравоохранения, культурный досуг. Публичная власть изначально должна осуществить вложение средств в создание социальной инфраструктуры или обеспечить доступ к качественным социальным услугам. Коммерческие резиденты могут развивать социальную сферу только в той мере, которую предполагает общий проект развития бизнеса и коллектива. Другими словами, социальная ориентация хозяйственной деятельности коммерческого резидента не будет выходить за рамки собственного бизнеса и частных корпоративных интересов.

В социальной инфраструктуре нуждается как внешний иностранный инвестор, так и российский. Однако именно российского инвестора одна и та же качественно одинаковая создаваемая социальная инфраструктура будет удовлетворять в большей степени, чем иностранного. Здесь решающая роль будет отводиться в большей степени адаптации россиян к исконно российскому социальному сервису. Недостаток следует видеть в том, что скорее иностранные инвесторы принесут с собой в результате прямых инвестиций доступ к передовым технологиям, что предопределит конечную эффективность инвестиционных проектов на территориях ОЭЗ.

Вопрос эффективности функционирования ОЭЗ является в настоящее время в экономической теории дискуссионным. Наш методологический подход к раскрытию социальных и экономических аспектов эффективности основан на разделении процессов и методов оценки эффективности отдельных инвестиционных проектов, реализованных на территории ОЭЗ, и социальных аспектов эффективности развития территории. Первое направление является традиционным в оценке социальной эффективности проекта для отдельно взятого резидента-инвестора. В этом случае следует выделить социальные эффекты, которые были достигнуты отдельным резидентом. К ним можно отнести снижение травматизма на предприятии, уменьшение текучести рабочей силы, повышение качества рабочей силы в результате создания системы профессиональной подготовки, формирование комфортной среды на предприятии, предоставление социальных корпоративных гарантий, корпоративного страхования жизни, мест в детских ведомственных садах, оплата услуг сервисных организаций здравоохранения.

Количественно же социальный эффект по некоторым методикам может быть измерен исходя из разницы большей доходности работы резидента на территории ОЭЗ по сравнению с результатами деятельности на территориях, где не действовали льготные режимы экономической деятельности, либо применялись иные инфраструктурные льготы, чем на ОЭЗ. Предполагается при этом, что большая доходность позволит эффективнее решать проблемы социального корпоративного развития коллектива.

При оценке социального эффекта развития территории ОЭЗ возникают методологические проблемы. С одной стороны, повышенная доходность хозяйственной деятельности основных резидентов на территории ОЭЗ приводит суммарно к большему социальному эффекту. Увеличение эффективности деятельности хозяйствующих субъектов – резидентов ОЭЗ будет вызывать кумулятивный накапливаемый эффект. Рост доходов предприятий, доходов работников, повышенные отчисления по налогу на доходы физических лиц вызывают рост спроса на товары и услуги. Тем самым инициируется распространение активности на территории, которые находятся с ОЭЗ в торговых и кооперационных связях. Общий подъем деловой активности будет мультиплицировать повышающий тренд роста экономики и социальной эффективности уже на территории региона. Повышенные налоговые отчисления в региональные и местные бюджеты на соприкасающихся территориях позволяют увеличивать интенсивность реализации социальных программ.

С другой стороны, как показывает мировой и российский опыт функционирования ОЭЗ, реально положительные эффекты начинают проявляться через весьма продолжительное время. Здесь не обнаруживается бурного роста регионального ВВП, а сами резиденты ОЭЗ не становятся драйверами экономической и социальной активности. Так, период окупаемости ОЭЗ промышленно-производственного характера в мировой практике составляет около 8 лет, а выход на пик эффективности происходит через 10–15 лет с момента начала их функционирования. В результате оценка не только социального, но и экономического эффекта наталкивается на методологические трудности [4; 5].

В настоящее время действует постановление Правительства РФ от 07.07.2016 № 643, которое позволяет дать более корректную численную оценку экономического эффекта и экономической эффективности функционирования ОЭЗ [6].

Если учитывать тот факт, что существенная доля времени отводится подготовительному этапу, когда ведется прединвестиционная деятельность, то за основу расчетов социальной и экономической эффективности деятельности резидентов на территориях ОЭЗ следует принимать время

выхода резидента на проектную мощность. Этот период у основных резидентов может достигать до 10–15 лет [2].

Трудности оценки эффективности функционирования ОЭЗ основаны на проблеме понимания социальной эффективности вообще. Когда в некоторых статьях исследователи оперируют термином «социально-экономическая эффективность», то здесь не столько допускается некорректное употребление термина, сколько подчеркивается важный момент того, что грани между экономическим и социальным аспектом весьма условны и подвижны. Если традиционно под экономической эффективностью проекта, производства понимается соотношение полученного результата или эффекта и затраченных при этом ресурсов, то социально-экономическая эффективность отражает степень удовлетворения конечных потребностей общества, коллектива. При этом предоставляемые и потребляемые блага во многом носят неделимый характер, имеет ли это место для каждого члена социума, либо для членов отдельно взятого коллектива. Из этого следует, что наибольшая социально-экономическая эффективность проявляется в том сообществе, где в большей мере удовлетворяются как материальные, так и духовные потребности, гарантируется более высокий уровень и качество жизни.

Более строгое разграничение эффективности экономической и социальной приводит к проблемам теории, которые и в настоящее время не получили адекватного разрешения. Так, А. О. Курно наиболее радикально предложил решить проблему единства и противоположности эффективности экономической и социальной. Если экономическая эффективность отражает соотношение эффекта к потребленным факторам производства блага или услуги, то социальная эффективность есть понятие уже не экономическое, а этическое, т. к. лежит в сфере справедливости. Таким образом, эти понятия становятся уже даже не принадлежащими одному и тому же роду, а контрарными. Следовательно, не существует теоретических оснований для соотнесения их концептов.

Выход представляется в применении целевого подхода, когда даже в оценке эффективности экономической обнаруживают комплементарные социальные эффекты [3]. Например, следование технологическим регламентам, инструкциям, предписаниям, соблюдение технологической дисциплины создают безопасные условия труда, в результате снижается производственный травматизм. Затраты на соблюдение техники безопасности и создание здоровых и безопасных условий труда изначально предусмотрены соответствующими сметами. Связь между снижением уровня производственного травматизма и суммарным экономическим эффектом может быть установлена на основе статистических наблюдений и прогнозных оценок. Следовательно, методический подход к оценке социальной

эффективности можно сформулировать как определение разницы между предусмотренными бюджетом расходами на создание здоровых условий труда и фактическим освоением этих средств. Так как финансирование расходов на превентивные мероприятия увеличивает знаменатель, это формирует тенденцию к снижению экономической эффективности. Но одновременно экономия на технике безопасности повышает риски причинения ущерба здоровью работников, ведет к нарастанию выплат от потери трудоспособности. В условиях ограниченности ресурсов общество не может снижать риски наступления случайных событий производственного травматизма, не увеличивая расходы на превентивные мероприятия либо на страхование своих работников. Значит, можно сделать вывод, что каждая единица ресурса должна быть использована полностью, а эффективная экономика должна балансировать на границе производственных возможностей с учетом как исключительно экономической, так и социальной составляющих производственных расходов предприятия.

Максимум противоречивости в оценке экономической и социальной эффективности может быть представлен моделью Парето-эффективности. Социально-экономическая система находится в состоянии наибольшей экономической и социальной эффективности, если становится невозможным повысить экономическую эффективность, не уменьшая эффективность социальную. Тем самым мы обнаруживаем, что модель Парето-эффективности не может обеспечить адекватного отражения реальной практики управления на территориях не только ОЭЗ, но и в принципе. Эта модель дает предельно упрощенный теоретический образ, формальный критерий социальной справедливости на основе межперсонального сравнения положительной и отрицательной полезности – всякое изменение, которое не приносит вреда никому, но которое одновременно приводит к лучшему состоянию некоторых по их собственной оценке, следует считать повышением эффективности. Однако здесь социальные аспекты насильно привлечены в модель, что делает ее несостоятельной в нашем анализе.

Выход видится в методологическом подходе, предложенном Н. Калдором, Дж. Хигсом и Дж. Стиглером, снимающем ограниченность относительного Парето-оптимума, не требующем межперсонального сравнения полезности. В соответствии с критерием справедливости, который носит название Калдора–Хикса, всякое изменение считается улучшением, если по оценкам выигравших их выгоды превышают потери тех, чье благосостояние ухудшилось.

Как мы полагаем, логическим следствием здесь будет дальнейшее углубление противоречий между выигравшими, получающими больший экономический эффект, и проигравшими – работниками, состоянием

экономики, уровнем социальной защищенности работников и граждан, проживающих и трудящихся на территории ОЭЗ. Предусматриваемые социальные компенсации не могут разрешить эту проблему либо разрешают ее частично и только в краткосрочном периоде.

Так как интересы граждан, работающих и проживающих на особых экономических территориях, и интересы резидентов противоположны, то решать социальные задачи можно только за счет социальных интересов территории. Если перенести данную проблему на модель Амартии Сэн [10, с. 65], то можно сделать вывод: состояние социально-экономической среды может находиться в состоянии Парето-оптимальности, однако повышение экономической эффективности резидентов невозможно без снижения уровня социальной защищенности. При этом следует признать, что в модели Парето-эффективности социальный фактор отсутствует явно, хотя присутствует имплицитно, полностью коррелируя с положением А. Смита о том, что простая справедливость может быть представлена минимальной добродетелью, сводящейся к тому, чтобы не делать другим зла [11].

Как было отмечено, инвесторы-резиденты нацелены на получение прибыли, они не связаны обязательствами развития социальной инфраструктуры на территориях ОЭЗ, т. к. ко всем национальным благам они относятся как факторам, а к человеку – как к средству получения прибыли. Здесь скорее возможна реализация эгоистической модели в духе «этического принципа троглодита». Его суть грубо можно выразить следующей моделью поведения: «Если ты съел мою невесту, то это плохо; если же я съел твою невесту, то это хорошо».

Государство как инициатор создания ОЭЗ, вынуждено не только анализировать те или иные модели поведения игроков на территориях ОЭЗ, но и реализовывать ту инвестиционную, региональную, экономическую, социальную политику, которая будет обеспечивать разрешение сложившейся конфликтно-компромиссной ситуации. Как мы полагаем, определенным критерием социальной эффективности в единстве с экономической эффективностью на территории ОЭЗ будет состояние одинаковых темпов роста экономической эффективности для всех акторов при возрастании социальной эффективности в тех же пропорциях. Но если повышение экономической эффективности есть проблема самих инвесторов, то забота о повышении социальной эффективности является сферой ответственности органов публичной власти. Именно она должна обеспечивать аллокативную эффективность, перераспределяя ресурсы на финансирование социально значимых проектов. При этом не исключается тот факт, что предприятия-резиденты могут реализовывать локальные инвестиционные проекты развития корпоративной социально-ориентированной

инфраструктуры либо предусматривать их в рамках единого инвестиционного проекта функционирования на территории ОЭЗ.

Данный методологический подход может быть успешно применен и к оценке социальной эффективности деятельности резидентов в ОЭЗ. Модели поведения резидентов ОЭЗ, ориентированные на достижение максимальной экономической эффективности любой ценой, приводят к потерям рабочей силы и ресурсов. Любое социально-экономическое состояние, которое не обладает признаками Парето-эффективности, следует рассматривать как состояние неэффективного равновесия между требованием отношения к человеку как средству и требованием отношения к работникам как цели. Тем самым в этой формулировке мы можем обнаружить реализацию известного императива И. Канта. Этот же императив дает резиденту методологические основания относиться к работникам и самой территории ОЭЗ как к цели и средству одновременно.

Рассмотренные нами модели касались прежде всего природы экономической, социальной эффективности конкретных резидентов ОЭЗ. Но вместе с тем инициаторы создания ОЭЗ ориентируются не на эффективность резидентов, а на развитие территорий, для чего создаются особые экономические, миграционные, таможенные и иные режимы. А значит, становится актуальным исследование предмета социальной эффективности функционирования ОЭЗ. Для этого необходимо уточнить понятие эффективности ОЭЗ вообще.

Полагаем, что создание ОЭЗ было вызвано необходимостью развития территории, страны, что потребовало корректной постановки целей, задач, планов, бюджетного финансирования, создания центра по управлению ОЭЗ. В качестве приоритетов функционирования ОЭЗ можно выделить, например, обеспечение разработки местных месторождений природных ресурсов, укрепление экономического статуса страны, закрепление населения и прекращение его оттока с территории, преодоление диспропорциональности развития регионов. Любые акции государства направлены на достижение как текущих, так и стратегических целей. Если вести речь о развитии территорий, то необходимо принимать во внимание несводимость потребностей государства, регионов, общества в целом с потребностями, которые вытекают из самой экономической природы рынка. Следует признать, что рынок вообще неспособен видеть перспективы дальше «собственного носа» – прибыльности. Рыночные инструменты, механизмы и институты в современных экономиках проявляют эффективность, когда они лежат в векторе государственной стратегии развития. Определенный компромисс между рыночными институтами и государством возможен на основе принципов прагматического демократизма. Это создает предпосылки для определения зоны компромисса между

экономической и социальной эффективностью, устанавливая некоторое общее правило эффективного поведения института государства. Как отмечают Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, любое распределение общественных средств, связанное с реализацией целей, что является присущим обществу как таковому, должно обслуживаться максимально допустимыми демократическими процедурами [1, с. 423]. Логический вывод из этого принципа – принятие стратегических решений по развитию территорий в форме ОЭЗ будет требовать общественного обсуждения и одобрения этих проектов со стороны демократической общественности. Потому любое решение, любой крупный инвестиционный проект не получит общественного одобрения, если будет ориентирован исключительно на достижение максимально высокой экономической эффективности резидентов ОЭЗ в ущерб социальному вектору развития территории. Здесь не может быть механического доминирования интересов резидентов, что позволяет заявить об экономической методологии социального либерализма, которая развивает либеральную парадигму посредством реализации института конкуренции за ресурсы между рыночными акторами и институтами государственной власти на территориях ОЭЗ. Исторический опыт и эволюция либеральной идеологии дали основания полагать, что без учета социальной составляющей всеобщего благосостояния в достаточной степени невозможно обеспечить ни права индивидуумов, ни их свободы [1, с. 426].

Наконец, социальная эффективность функционирования ОЭЗ, на территории которых реализуют противоположные интересы основные акторы-резиденты, неизбежно будет приводить к углублению неравенства в силу непропорционального распределения доходов. Следует ли полагать, что данный факт есть проявление асоциальности в самой природе ОЭЗ? Наш ответ на этот вопрос отрицателен на том основании, что в соответствии с принципами справедливости каждый актор, реализующий интересы на территории ОЭЗ, является свободным, принимает решение об участии в инвестиционных проектах, а его деятельность и результаты совместимы со свободой и интересами остальных акторов.

Функционирование ОЭЗ может осуществляться и допустимо только тогда, когда это приносит каждому положительный экономический и социальный эффект, что в некоторой степени оправдывает неравенство в распределении доходов [9] в процессе функционирования ОЭЗ. Предполагается, что максимизация экономической эффективности не ведет к свертыванию социальных программ на территориях ОЭЗ, а распределение на принципах неравенства ведет к улучшению экономического и социального статуса и положения каждого по сравнению с уравнительным распределением дохода. Таким образом, получение доходов в результате эксплуатации национальных факторов производства на территориях ОЭЗ и углубление

неравенства по состоянию до начала функционирования ОЭЗ и на завершающем этапе не нарушает принципов справедливости, которая по своей природе есть социальный феномен.

Социальная эффективность в данной работе рассматривается как мера перехода от бывшего состояния бытия социума к состоянию, которое декларировалось ранее в качестве цели. Это степень достижения поставленных целей. Показатель социальной эффективности функционирования ОЭЗ отражает степень достижения социального эффекта, результата. Для ОЭЗ такими социально значимым эффектами становятся:

- повышение качества жизни от функционирования ОЭЗ;
- более справедливое распределение благ, дохода, собственности, рисков на территории ОЭЗ;
- безопасные условия жизнедеятельности в ОЭЗ;
- соблюдение прав меньшинств и их социальные гарантии на территории ОЭЗ;
- состоятельность социальных прав;
- наличие дополнительных социальных гарантий для работников на территории ОЭЗ;
- положительная динамика уровня жизни работников на территории ОЭЗ;
- положительная динамика уровня здоровья работников на территории ОЭЗ;
- экономия свободного времени и его творческое использование;
- наличие возможностей развития потенциала работников;
- степень самостоятельности, свобода выбора;
- повышение безопасности условий труда;
- снижение рисков и неопределенностей перед будущим;
- социальная защищенность, в том числе предоставляемая резидентами и органами управления ОЭЗ;
- обеспеченность и доступность образования, услуг здравоохранения, курортно-оздоровительных услуг, мест оздоровительного отдыха и культурного досуга;
- доступность услуг финансово-кредитных институтов, институтов страховой защиты;
- снижение рисков и неопределенностей функционирования предприятий-резидентов ОЭЗ.

Перечисленные социально значимые эффекты функционирования ОЭЗ создают теоретические и практические трудности в количественной оценке социальной эффективности. Известные теоретические исследования в части разработки методических подходов к оценке социальной эффективности отличает один важный недостаток. Практически невозможно

выделить роль того или иного фактора в достижении социального эффекта. Саму ОЭЗ как систему отношений, институтов, механизмов следует понимать как организм, в котором все взаимосвязано и взаимообусловлено. Здесь имеют место обратные и прямые связи с меняющимися конфиден- тами усиления передающего управляющего воздействия. Это дает доста- точно оснований для того, чтобы известные упрощенные модели оказались несостоятельными. Поэтому не случайно Правительство РФ за период с 2012 г. утверждало как минимум три руководящих нормативных акта, ко- торые регулировали методику оценки эффективности функционирования ОЭЗ.

Если проанализировать методологические основания последнего дей- ствующего документа – «Правила оценки эффективности функциониро- вания особых экономических зон» [6], то здесь оценка социальных аспектов исходит из некоторых положений. Так, априори предполагается, что ин- вестиционный проект просчитывается постатейно по величине затрат на получение того или иного экономического или социального эффекта, при этом выделенные на достижение этого социального или экономиче- ского эффекта ресурсы будут иметь строго целевое предназначение и ис- пользоваться в полном требуемом объеме и в установленное проектом время.

В качестве таких социальных эффектов в Правилах были выделены уже только те, которым законодатель придал особую важность и значи- мость. Так, для оценки эффективности были определены следующие рас- четные показатели социальной эффективности:

- показатель эффективности, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации и местного бюджета в создание объектов социальной инфраструктуры ОЭЗ;
- абсолютный количественный показатель, отражающий количество рабочих мест, которые были созданы резидентами ОЭЗ (плановое и факти- ческое);
- объем средств федерального бюджета, которые были направлены на финансирование объектов социальной инфраструктуры (плановое и фактическое);
- количество объектов социальной инфраструктуры ОЭЗ, построен- ных и введенных в эксплуатацию (плановое и фактическое);
- объем остатка недоосвоенных денежных средств, которые были фактически выделены на создание объектов социальной инфраструктуры накопленным итогом по состоянию на конец отчетного года;
- доля мощности объектов социальной инфраструктуры, заявленной и подтвержденной контрактными обязательствами резидентов ОЭЗ (пла- новое и фактическое).

Критерии оценки социальной эффективности определены и градуированы: более 90 % – хорошо, от 50 до 90 – достаточно эффективное, менее 50 % – неэффективное. При всей внешней простоте эта методика, тем не менее, дает некоторые возможности оценки экономической и социальной эффективности для Министерства экономического развития РФ, органов власти на местах со всеми вытекающими из этого последствиями.

Особого внимания заслуживает проблема критической оценки конкурентных преимуществ режима свободного порта Владивосток на территории Приморского края в ожиданиях стратегических инвесторов, ориентированных на реализацию концепции Китая по совместному созданию нового Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, которая приобрела название инициативы «Один пояс – один путь». Эта инициатива была озвучена в сентябре–октябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином во время его визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии. Здесь руководству страны, органам публичной власти в Приморском крае следует избегать иллюзий, а ориентироваться скорее на сугубо прагматические аспекты, как это свойственно инвесторам Китая. Например, сложно увидеть национальные преимущества в развитии различного рода «отверточных технологий», где создаваемая национальными факторами производства добавленная стоимость минимальна. Но того, чем располагают Приморский и Хабаровский края, уже нет, например, в Амурской области. Это выход в океан, это морские биоресурсы, это становление Владивостока как образовательного, культурного и туристского центра. Но доминирующим будет оставаться превращение Приморья в морские ворота страны, развитие на территории глобального логистического и транспортного хаба, что хотя бы отдаленно будет напоминать региональный хаб, который Китай создал в Чешской Республике и ее столице Праге.

Здесь следует понять стратегические интересы крупнейшего игрока – Китая, который в 2013 г. выдвинул концепцию «Один пояс – один путь», а уже к 2016 г. вложил в этот проект около 51 млрд долл. США. Согласно концепции, государства вдоль этого пояса условно были разделены на три группы. Первая группа – ключевые страны, к которым были отнесены США, страны ЕС, Россия и некоторые иные, играющие решающую роль в реализации этой концепции, и являющиеся «движущей силой». Вторая группа – это страны, которые расположены внутри какого-либо региона, например, Казахстан в Центральной Азии, Индия в Южной Азии, Корея в Юго-Восточной Азии. В третью группу страны включались по признаку приближенности к основным путям товарных и инвестиционных потоков.

В рамках инициативы предполагается строительство шести экономических коридоров. Идея первого экономического коридора Китай –

Монголия – Россия была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2014 г. Были предложены два маршрута: Пекин – Тяньцзинь – Монголия – Россия и Далянь – Чаньчунь – Харбин, пролегающий из Северо-Восточного региона Китая через Манчжурию до Читы. Как было заявлено, эти два маршрута будут взаимодействовать и дополнять друг друга. Второму коридору присвоен статус «Нового Евразийского континентального моста». Третий коридор: Китай – Центральная Азия – Западная Азия. Четвертый коридор: Китай – Индокитай. Пятый коридор: Китай – Пакистан. Шестой коридор: Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

В концепции заявляется стратегическая цель Одного пояса – одного пути – добиться реализации интересов участников проекта, разделяя общность судьбы и ответственности при строительстве базовой инфраструктуры, обеспечивая ее взаимосвязь, создание предпосылок для бесперебойной торговли, свободного перемещения капиталов, политическую координацию, укрепление близости между народами. Этот проект призван преодолевать противоречия глобального дисбаланса, создавая при этом новые интеграционные формы регионального экономического сотрудничества.

Уже в ноябре 2014 г. на форуме «Диалог по укреплению взаимосвязанного партнерства» Си Цзиньпин отметил, что строительство Экономического пояса направлено в большей степени на азиатские государства, ибо он берет свое начало в Азии, опирается на Азию, благоденствует Азии, приглашая «всех сесть в поезд экономического развития Китая» [8]. Россия имеет большой интерес по встраиванию в трансевразийские коридоры Нового шелкового пути, максимально используя конкурентные преимущества как страны-транзитера, так и развиваясь в векторе строительства евразийского моста между Востоком и Западом. Такое участие позволит не только развивать транспортную инфраструктуру Приморского края и всего Дальнего Востока России, но и инициировать развитие территорий, прилегающих к этому трансевразийскому коридору. Без этого полноценное экономическое и социальное развитие Сибири и Дальнего Востока будет большой проблемой, что проявится как упущенные возможности от международного разделения труда и развития форм производственной, финансовой, торговой кооперации между странами [7].

В мае 2015 г. Китай и Россия подписали совместную декларацию, которая предусматривает интеграцию между проектами Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. В декларации заявляется заинтересованность Китая в доступе к незамерзающим портам Приморского края. Это потребует развития железнодорожного сообщения между Харбином и городами провинции Хэйлуцзян с морскими портами, а также выходом на Транссибирскую железнодорожную магистраль.

Однако для этого потребуются громадные вложения в инфраструктуру, к чему Россия в настоящее время не готова. Отрицательным моментом для России, Дальнего Востока, и Приморья в частности, является тот факт, что шесть опорных точек Экономического пояса Шелкового пути проходят мимо Приморского края. Иницилируемые коридоры Приморье-1, -2 скорее приобретают статус региональных коридоров, лежащих вне основных путей.

Нейтрализовать это положение может реализация проекта прокладки скоростной железной дороги Пекин – Москва. В документе декларируется необходимость использования преимуществ Автономного региона Внутренней Монголии как территории, примыкающей к России и Монголии, для чего следует улучшить железнодорожное сообщение провинций Хэйлунцзян, Цзилин и Ляонин с Дальним Востоком России, создать «окно» на север [8].

Однако это встраивание может принести пользу только тогда, когда Дальний Восток будет активно продвигать свои инвестиционные проекты по созданию и развитию транспортной инфраструктуры. Основные коридоры, если исходить из концепции Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, пролегали мимо Приморского края. Следует понять и осознать стратегические направления потоков товаров для России, как ключевой страны-транзитера. Приморье представляет интерес для развития Северо-Восточных провинций Китая, так что следует максимально развивать и усиливать конкурентные преимущества. Здесь вполне приемлема мудрость известной китайской поговорки: «Если хочешь быть богатым, построй дорогу». Россия может получить мощный импульс в развитии своих дальневосточных территорий наиболее экономичным образом только вписавшись в реализацию китайской инициативы Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века, при этом не став придатком, а равноправно участвуя в этом едином экономическом, политическом сотрудничестве.

Список литературы

1. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013. С. 480.
2. Зубарев А. Е., Федорова В. А. Оценка эффективности функционирования особых экономических зон в Российской Федерации // Вестник ТОГУ. 2014. № 4(35). С. 153–160.
3. Калиева О. М., Разумова М. С., Дергунова М. И., Говорова М. С. Понятие экономической эффективности коммерческой деятельности // Инновационная экономика: материалы междунар. науч. конф., октябрь 2014 г. Казань: Бук, 2014. С. 99–103.

4. Об утверждении Правил оценки эффективности функционирования особых экономических зон: постановление Правительства РФ от 10.06.2013 № 491 (утратило силу). URL: <http://www.base.garant.ru/70396466/> (дата обращения 21.08.2016).

5. Об утверждении Правил оценки эффективности функционирования особых экономических зон: постановление Правительства РФ от 15.08.2012 № 833 (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 35. Ст. 4824.

6. О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон: постановление Правительства РФ от 07.07. 2016 № 643. URL: <http://www.sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-07072016-n-643> (дата обращения 21.08.2016).

7. Остаин В. А. Приграничное торгово-экономическое сотрудничество Китая и России: упускаемые возможности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 4 (61). С. 91–101.

8. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шёлкового пути XXI века / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство коммерции; Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел. URL: http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf (дата обращения 02.10.2016).

9. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 507 с.

10. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 520 с.

11. Смит А. Теория нравственных чувств. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1039709> (дата обращения 25.08.2016).